

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия «МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Диалогия «МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«МОЦАРТ»
«СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ»
«НОЧЬ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»
«ИЗГОНЯЮЩИЙ БЕСОВ»
«ОРДЕН БЕСОГОНОВ»

«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»
«ДЕМОН С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ»

Диалогия «КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»

«КАЗАК В РАЮ»
«КАЗАК В АДУ»

Трилогия «ААРГХ»

«ААРГХ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)

«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)

«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)

«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

В соавторстве с Игорем Касиловым

«ГАВРЮША И КРАСИВЫЕ»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»
«РЖАВЫЙ МЕЧ ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЧЁРНЫЙ МЕЧ ЦАРЯ КОЩЕЯ»
«ВЗЯТЬ ЖИВЫЙ МЁРТВОГО»

Трилогия «БАГДАДСКИЙ ВОР»

«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

Цикл «ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»

«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК!»
«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКО!»

Цикл «ГРАНИЧАРЫ»

«ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА»
«ДОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА»
«КЛАН БЕЛОГО ВОЛКА»
«ЧЕСТЬ БЕЛОГО ВОЛКА»

Цикл «МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС»

«МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС»
«ЕГИПЕТСКАЯ СИЛА»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ»

Стихи

«ЛАНА»

«ШАШКА»

«КИНЖАЛ»

«ГРУЗИНСКОЕ ОРУЖИЕ»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«АРХИВЫ ОБОРОТНЕЙ»
«МЕМУАРЫ ОБОРОТНЕЙ»

«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»
«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»
«ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

**ОРДЕН
БЕСОГОНОВ**

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1176

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 **Орден бесогонов: Фантастический роман.** — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2952-3

Я Фёдор Фролов, для друзей Тео. Быший гот, бывший снайпер, а ныне настоящий бесогон в заснеженном селе Пияла под Архангельском. Чем я тут занимаюсь? Да, как всегда, гоняю бесов и чертей, мешающих жить хорошим людям. Святая вода, молитвенник, крест, серебро, ну и русский мат, куда ж без него... Особенно когда отца Пафнутия вешают натуральные фашисты, а его боевая внучка влюбляется в нашего Анчутку, на тропу войны выходит таинственная Якутянка в алмазах, рогатые враги прут напролом, а наш верный доберман Гесс...

Ох, Декарт мне в печень, у меня тоже нервы! И наган с серебряными пулями...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2952-3

...И на какое-то время у меня остановилось сердце.

Наверное, на минуту, не меньше; в наступившей тишине раздавалось сопение изумлённого Гесса, бодрый стук его сердца, слабенькое прерывистое сердцебиение искалеченного Анчутки, а третье сердце не стучало. Видимо, это моё.

Страшные слова безрогого брюнета превратили тёплый живой комок в моей груди в некое подобие заледеневшего голубя. На разбитых губах Анчутки пузырилась кровь...

— Выскочили из ниоткуда, я попытался... — Каждое слово, каждый выдох давались ему с трудом. — Они забрали отца Пафнутия, он их не...

Я не спрашивал кто. Мы все это знали.

Полиция могла забрать, но полицейские не стали бы избивать домашнего беса. Бабы или просто сельчане могли прийти, наораться, затребовать своё и тоже забрать с собой, но не батюшку. А вот как раз наоборот, Анчутку! И тогда нашего красавчика просто бы разыграли по жребию в карты сугубо ради плотских утех. Почему нет, и в современных сёлах бывают простые нравы...

Мелкие или даже крупные бесы нипочём бы не смогли справиться ни с отцом Пафнутием, ни с нашим нечистым поваром, а уж с их боевым тандемом тем более. Значит, это были...

— Куда пошли черти?

— На... на площадь, — слабо прошептал Анчутка. — Казаки, що там... там ось вже и... и расстреляють як сепаря на майдани.

— Давно?

— Цвай минутен.

— Гесс, за мной!

Уже на пороге я обернулся и спросил:

— А ты почему за него вступился? Вроде не обязан.

— Пошёл к чёрту...

— Туда и собираюсь, Декарт мне в печень!

Теперь, возможно, стоит на минуточку вернуться к законам жанра. Сейчас их мало кто соблюдает, но я воспитан в высоких традициях литературы и мировой философии, поэтому для начала позвольте хотя бы представиться: Фёдор Фролов.

Бывший гот, бывший философ, бывший военный. Нет, не профессиональный, но успел отметиться на службе в армии и снайпером в горячих точках. Ушёл после первого же ранения, чего не стыжусь: война грязное дело, и не с моими интеллигентскими иллюзиями лезть в неё с головой.

Судьба-индейка, по выражению романтических литературных героев начала девятнадцатого века, отправила меня в почти забытое советской властью (да и нынешней, российской, редко вспоминаемое) село Пияла в холодной Архангельской губернии, где я был принят скромным послушником в Воскресенский храм и поселён в доме местного священника отца Пафнутия.

Вот он-то как раз бывший кадровый офицер, Герой России, участник четырёх войн, мужик с секретом, удивительным добродушием и такими сплошными тайнами, что ни боже мой лезть к нему в душу, даже если очень и очень хочется. У меня хватило мозгов и такта.

Так вот, у этого самого батюшки также жил (типун мне на язык, он и сейчас живёт!) высокопородный двухлетний доberman по кличке Гесс. Вообще-то Гесс умеет разговаривать, непонятно с чего и как, но что есть, то есть, назад не перемотаешь, примите как данность, вам же проще. У него разум семилетнего ребёнка, иногда умнее, иногда глупее, а основной лексикон составляют слова «лизь», «кусь» и «на тебе лапку, не обижай собаченьку!».

Ну а кроме того, как вы уже поняли, при нашем доме прописан натуральнейший бес.

Анчутка, взятый мной и Гессом в плен, добровольно согласился обломать рога, обкорнать хвост, покориться православному батюшке и кормить нас всех чудесными блюдами разных народов исходя из возможностей нашего скромного кошелька и небогатого выбора продуктов в сельском магазине.

При этом попутно занимаясь со мной специфичным рукопашным боем и разговаривая как сумасшедший полиглот в беглом режиме на куче известных ему языков. В этом смысле он реально был не только спарринг-партнёром, но ещё и учителем. Это правда, это имеет место быть.

В общем и целом, хвала Фрейду озабоченному, компашка у нас складывалась та ещё...

— Куда мы идём? — спросил мой остроухий пёс уже за воротами, хотя вроде бы всё время был рядом и слышал всё то же, что и я.

— Спасать отца Пафнутия.

— Там будут бесы, я их кусь!

— О, там будут даже черти, и могучие.

— Но ты ведь защитишь собаченьку? А я тебе лапку дам, на! Хочешь две лапки?

— Гесс, дружище, — я опустил на одно колено, встав с доберманом нос к носу, — у меня шесть патронов в нагане, и ты прекрасно знаешь, что всего лишь один нижегородский чёрт готов был придушить нас всех, имея три серебряные пули в башке. Значит, сколько бы там ни было чертей, мы по-любому у Вольтера в тощей заднице! Но отца Пафнутия бросать нельзя, поэтому бей, кусай, отвлекай внимание, у меня всё ещё есть перо из ангельского крыла.

— Декарт нам всем в печень? — с надеждой уточнил мой пёс, вывалив набок язык.

Я потрепал его по загривку, поправил серебряный ошейник, позволил Гессу два раза лизнуть меня на морозе в нос, после чего мы рысью дружно бросились на выручку нашего героического батюшки. Как говорит наш президент, русские своих не бросают.

Не скажу, что искали долго: со всего села народ стекался на площадь Ленина перед почтой. Несколько громкое название для прямоугольника пять на шесть метров, но тем не ме-

нее. А вот то, что мы там увидели, было, мягко говоря, не совсем обычным. Поэтому диктую вслух.

Вся площадь заполнена шепчущимися сельчанами, человек тридцать, не меньше, в массе старики, бабы, дети. То есть все, кто не на работе и кому заняться нечем. У бюста Ленина в снежной шапке стоят два стареньких неработающих фонаря, с вершины одного из них свисает бельевая верёвка, опустившись петлёй на шею безмолвного отца Пафнутия, стоящего в домашних тапках на нашем же кухонном табурете.

Руки православного батюшки были связаны за спиной, в глазах полыхало нечто, абсолютно непохожее на смирение и жажду мученического венца: брови сдвинуты, борода дыбом, а кто умеет читать по губам, прочёл бы отнюдь не поминальную молитву. Материться мы все умеем.

Кстати, да, людям сегодня было о чём поговорить, потому что слева и справа от святого старца плечом к плечу стояли двое эсэсовцев в рогатых шлемах, в форме Великой Отечественной, со шмайсерами на груди. Плюс стройный, подтянутый офицер в новенькой шинели и фуражке вермахта.

Вот, значит, кто сегодня черти, ну-ну...

— Чё такое от творится-то, ась?

— Поди, от кино снимают.

— А чё-то камер-то и не видать. Когда у нас от в коровнике начальство дойку снимает, так от Зинку-то с грудями за всегда вперёд ставят, под камеру.

— А милиция-то знает? Хотя чё ей до нас, той милиции.

— Все они полицаи! Сталина на них нет...

— Ох ты ж, бабы, чё ж не сказали от, чё и нас снимать-то будут, я б хоть накрасилась, носик припудрила.

— Когда ты налижешься, так от, поди, и краситься не надо — нос красный, щёки бордовые, мешки под глазами фиолетовые. Анджолина Джоли!

Я молча протиснулся меж балаболящих местных жителей, на ходу выхватывая револьвер.

— Ахтунг, ахтунг! — с характерным немецким акцентом вдруг раздалось над площадью. — Этот человек есть партизанен. Сейчас ми будем его немножко вешать.

Толпа замерла в любопытстве. Черти (а я видел их реальные рыла) выставили вперёд автоматы, и главный, то есть са-

мый высокий, сделал шаг вперёд, явно работая на публику. На крепкой шее отца Пафнутия заботливо подтянули петлю.

— За все преступления против законной германской власти великого фюрера, за убийство немецких зольдатен, за помощь партизанен этот человек будет...

— Не будет, — громко объявил я, протискиваясь в первые ряды.

— О, глянь, бабы, монашек пришёл, — облегчённо выдохнул кто-то.

— Да, чернецы, они, говорят, безбашенные.

— Небось от хочет на первые кадры-то попасть, мешает от добрым людям киношку-то досматривать.

— Всем есть закрыть рот! — рявкнул офицер, медленно доставая из кобуры парабеллум. — Ты есть кто, молодой партизанен?

— Так это ж Федька-монах, — заботливо влезла с пояснениями какая-то поддатая тётка в пуховом платке. — Он от отца Пафнутия при храме-то служит, и у него же дома живёт. Дурачок от, но опасный. Вы от бы его к себе в Германию-то забрали, в какой ни есть концлагерь, а то он от наших девок нос от воротит. Тьфу, стыдоба же, ась?!

Батюшка только ухмыльнулся в бороду, а немцы развернули в мою сторону стволы автоматов.

— Ти есть один, партизанен-монах Фиедька?

— Гав, — материализовался у моего колена чёрный пёс в телогрейке и ушанке с красноармейской звездой. Глаза Гесса горели жёлтым огнём, а губы нервно подёргивались над белоснежными клыками.

— Доберман? — не поверил глазам офицер и даже надел на нос пенсне. — О майн либен гот, то есть отличный доберман, майн шёнес тьир!¹ Я, я! Фиедька, где ти украдь этот редкий немецкий псина?

— От псины слышу, — ни капли не смущаясь, отрезал Гесс. — Отпусти батюшку, а не то я тебя так кусь, что матушкой станешь!

¹ мой прекрасный зверь! (нем.)

— Доберман взять живим, пастора вешать, молодой чёрный партизанен расстрелять, — подумав, прокашлялся офицер, но я выстрелил первым.

В одно короткое движение, не целясь, не согнув колена, я нажал на спусковой крючок, ещё даже не выпрямив руку. Пуля перебила верёвку над головой отца Пафнутия.

— Гесс, кусь их, — рявкнул я, пользуясь шоком общего замешательства.

Мой пёс на секунду присел для прыжка, но...

Но, прежде чем он сделал хоть один шаг, сзади, со стороны занесённой снегом дороги, раздался визг тормозов и старенький уазик с колёсами, обмотанными цепями, высадил на обочину высокую девушку в ярком лыжном комбинезоне и со столь же модной спортивной сумкой через плечо.

Машина тут же рванула в сторону сельсовета, или, как сейчас принято говорить, «мэрии», а девушка без особого пиетета протиснулась через ряды зрителей, обратившись напрямую к отцу Пафнутию:

— Дед, это чё за хурма?

— Вешают, окаянные, — с показным смирением ответил он, демонстрируя петлю и обрывок верёвки.

— Опять бесы?

— Нет, внученька, это от черти.

— Вечно у тебя одно и то же. — Покачав головой, незнакомка засучила рукава. — Хоть раз бы сказал, типа эльфы пришли или инопланетяне какие-нибудь.

— Фройляйн тоже есть партизанен? — очнулся эсэсовец.

— Нет, я его внучка из Питера.

— Ми вас тоже будем немножко вешать, — посоветовавшись, решили немцы.

— А фреска не треснет?

Почему-то именно этот вполне себе невинный вопрос вдруг наэлектризовал толпу.

— Бабы, чё ж от творится-то? Внучка от к деду из городу приехала, а её тут же от и в партизаны записали. Неудобно как-то...

— Ещё и вешать, поди, начнут.

— От тока не в мою смену! Не держите меня-а, мужики-и...

Для движухи не хватало, так сказать, последней капли.

И тут Гесс гавкнул! Громко и мощно, словно гром небесный. Ну вот и всё...

— А-а-а! Бей фашистских оккупа-анто-ов! — в голос, заполошно, тоненько взывала бабка Маня, раскрывая на груди пальто, а там тельняшка. Народ дрогнул.

Люди собрались, выдохнули, сдвинули брови, сжали кулаки. Скрюченный радикулитом дедушка-гармонист растянул трёхрядку.

— «Встава-ай, страна огромная-а! — взлетело над головами. — Встава-ай на смертный бой!»

— Ми есть стрелятн, паф-паф, — без особой уверенности в голосе предупредил офицер.

Мгновением позже ему по каске прилетел чей-то валенок, и началось...

Доберман в длинном прыжке, под два метра вверх, чёрной молнией в телогрейке сбил с табуретки отца Пафнутия. Очень удачно сбил, в высоченный сугроб, так что батюшку мы сразу потеряли. И надолго, кстати. Хотя тапки остались стоять на табурете.

Я же вступил врукопашную с одним из чертей. Как оказалось, почти ежедневные занятия боксом и борьбой с Анчуткой всё-таки дали результат, мы колотили друг дружку, но никто не мог взять верх. Меня это даже веселило, а вот чёрта в форме ваффен СС уже трясло от обиды и ярости. Они не привыкли, что люди могут им противостоять. Так на тебе, гад!

Краем глаза отметил, что незнакомая девушка отважно сцепилась со вторым солдатом, судя по всему, она знала дзюдо. Хотя в снегу это всегда проблемно, но зато более тяжёлый чёрт никак не мог её завалить, а вот сам падал уже раз шесть. И всё на голову.

— «Не смеют крылья-а чёрные, — расхристанная гармонь рвала русские сердца, — над ро-одиной летать!»

— «Поля-а её просторные-е...» — невольно вспомнил я, не отвлекаясь от драки.

— «Не смеет враг топтать!» — хором поддержала отважная толпа русских баб, под руководством нашего добермана захлестнув немецкого офицера. Стрелять он не рискнул: как

бы ни были злы черти, но убивать людей просто так они тоже не смеют — тут запросто можно нарваться на мгновенный ответ ангельского спецназа. Это я со слов нашего безрогого брүнета знаю, хоть сам таких не видел.

В общем, в тот морозный день согрелись все, все отвели душу и почесали кулаки. Оказалось, что жители Архангелогородской области до сих пор не разучились выворачивать доски из заборов, бить ведром по голове, махать лопатой, визжать в ухо и закапывать врага в снег. Наверное, в одиночку ни я, ни девушка, ни мой доберман не смогли бы одолеть чёрта, но если, как говорится, навалиться всем селом, то вполне и даже запросто.

— «Пусть ярость благородна-а-я вскипа-ает, — грозно неслось над площадью, — как волна-а! Идёт война народная-а...»

...За околицей, посреди истоптанного в грязь поля, стояли три снежные бабы, для крепости облитые водой и мгновенно заледеневшие на морозе. Внутри каждой находилось по одному избитому фашисту, каски были нахлобучены сверху... Глаза вопиют о милосердии, а из-под морковкиных носов выбегают тонкие струйки пара. Значит, всё-таки дышат.

Извлечённый за ноги отец Пафнутий сначала долго плевался снегом, потом ругался матом, потом низко поклонился всем в пояс, попросил прощения и благословил, а бабу Маню даже обнял при всех. Народ расходился неспешно, с песнями и впечатлениями. Как я уже, кажется, говорил, с развлечениями у нас на селе негусто, а тут почти праздник...

Домой мы ушли последними, чертей из снежных баб решили не выковыривать, пусть охладят горячие головы, подумают о своём поведении. В конце концов, мы их сюда не звали, они сами припёрлись. Так что теперь это ваши проблемы, парни, Диоген мне в бочку!

Батюшка шёл впереди, на ходу выдирая льдинки из бороды. Гесс прыгал вокруг, вертел огрызком хвоста, носился взад-вперёд, но пока разумно помалкивал. Мы же поравнялись с той героической девушкой в комбинезоне. Ростом лишь на полголовы ниже меня, то есть высокая. Фигура гиб-

кая, шагает легко, плечи прямые, немножко курносая, но симпатичная.

Я молча протянул руку, из вежливости предлагая забрать у неё сумку.

Покосившись на меня, она помотала головой и спросила:

— Новый послушник, как я понимаю?

— Фёдор Фролов, — отрекомендовался я. — Для друзей Тео.

— Обойдёмся без фамильярностей, Фёдор. Курсант школы МЧС Дарья Фруктовая. И вот только хихикни мне!

Я прикусил губу, потому что хихикнуть как раз таки очень захотелось.

— Фамилия по отцу, а родителей не выбирают. Пафнутий мой дед по материнской линии, я у него зависаю периодически. Ну там раза два-три в год, если с учёбы отпускают. Ещё вопросы?

— Никак нет.

— Вольно, — без улыбки бросила она. — Эй, Гесс! Гесс, тебе говорю, дуй сюда, поглажу!

Мой пёс одарил внучку своего хозяина высокомерно-подозрительным взглядом и, гордо задрав морду, проследовал в наши ворота.

— Забыл меня, — вздохнула она, ни к кому не обращаясь. — А ведь ещё позапрошлым летом играли во дворе в дочки-матери. Такой милаха был, если его укутать в пелёнки и платочек повязать. Качаешь его на ручках, качаешь...

Я представил себе строгого добермана в роли куклы Барби и понял чувства бедного пса. Второй раз он на такое не подпишется, хоть кастрируй, хоть расстреливай. Избитый в кровь Анчутка встретил нас на пороге. Голова домашнего беса была замотана бинтами, лицо в синяках, правая рука на перевязи. Как на ногах вообще стоял, ума не приложу, но бесы — твари живучие...

— Где они? — тихо спросил он, когда я поднимался на крыльцо.

— За селом три снежные бабы. Мы их туда закатали.

— Грациас, сеньоры!

— Освободил бы от чертеняк-то, кстати, — не оборачиваясь, буркнул отец Пафнутий. — Замёрзли-то, поди, в лёд. Так ты от лом железный возьми.

— Премного благодарен, ваше превосходительство, — умилился Анчутка, достал из сеней лом и, прихрамывая, пошёл мстить.

На новую гостью он внимания не обращал, коротко поклонился (или споткнулся?) и вышел за ворота. Но, видимо, для девичьего сердца вид избитого красавчика был столь эпически-героичен, что внучка отца Пафнутия на миг замерла с распахнутым ротиком.

Я подмигнул Гессу, и верный доберман легонько вмазал ей передней лапкой по нижней челюсти, приводя в чувство.

— Это не человек, бес.

— А-а... кто?

— Бес. Нечто вроде тех чертей в фашистской форме, но пожиже урвнем. Я думал, ты знаешь?

— Знаю, конечно. — Она гордо вздёрнула носик. — Мне дед о них все уши прожужжал. А ты, значит, тоже в них веришь.

— Как можно не верить в то, что видишь?

— Оу-у, как всё запущено... — Она сделала вид, что её это не особо касается. А я, естественно, не стал ничего доказывать.

Мы ввалились в наш большой уютный дом. Батюшка, не раздеваясь, не снимая тапок, протопал к себе в комнату и, опустившись на колени, истово перекрестился на иконы.

Я же снял полушубок, повесил его на гвоздь в сенях и помог разоблачиться Гессу. Надеюсь, никто не обратил внимания, что сегодня он при всех разговаривал? Ну а если обратили, так, наверное, забыли уже в пылу сражения. Там же лютый махач был, хорошо ещё всерьёз не пострадал никто.

Кроме чертей, разумеется. Но для них это дело сейчас пойдёт по второму кругу, там уже Анчутка с ломом возьмёт своё, а он драться умеет, по себе знаю. Кстати, как-то вдруг забылся и сам факт того, что наш православный батюшка каких-то полчаса назад стоял с петлёй на шее.

Ему оно уже не было ни капли интересно, у него теперь другая радость, Фруктовая...

Когда я вошёл в горницу, отец Пафнутий и Дарья уже стояли в обнимку. Признаться, я слегка вздрогнул.

— От же праздник-то какой, внученька от любимая приехала!

Нет, не от их родственных объятий и поцелуев в щёчку, просто, когда девушка сняла вязаную зимнюю шапочку, оказалось, что у неё очень короткая мальчишеская стрижка и совершенно седые волосы. Не крашенные, а именно седые. Это если и не пугало, то напрягало уж точно.

— Знакомься, паря! — Батюшка развернулся ко мне, чуть подталкивая внучку за плечи. — Это от Дашка! Дочка средняя моей Насти, по отцу Дарья Константиновна Фруктовая! Сам от по сей день ржу от ихней милой фамилии, но куды деваться-то?

— Ну, де-э-эда...

— Мы уже познакомились, — вежливо кивнул я.

— Когда успели-то? А впрочем, дурное от дело-то не хитрое. Ну, что ж от, за стол, что ли? Федька, ставь от самовар!

Пока я занимался кухней, Дарья раскрыла сумку, выставив на стол городские гостинцы: белёвский мармелад, коркуновские конфеты, дорогой российский сыр в форме шара, в блестящей чёрной упаковке, и что-то ещё по мелочи.

Как я понял из обрывков их разговора, дочь нашего батюшки вышла замуж в Питере, там же родила и вырастила эту самую Дашу, которая на данный момент проходит полевую практику по линии МЧС. Внучка деда любит и навещает не реже двух-трёх раз в год, но чаще конечно же летом.

Гесс мгновенно поднял морду на запах вкусняшек и, умильно виляя обрубок хвоста, стуча когтями, пошёл на цыпочках выпрашивать свою долю. Клянчить он умел, у доберманов это в крови.

Но вот то, что он аккуратно выпустил из зубов и положил передо мной одну шоколадную конфету, граничило по значимости с резким изменением русла Двины куда-нибудь в Китай.

— На, это тебе. Я хороший?

— Говори потише, услышат.

— Я хороший, я заботливый, я тебе вкусняшку принёс. Погладь меня!

Заслужил, не спорю, я терпеливо погладил вымогателя промеж ушей.

— А конфетку ты сам съешь? Не поделишься с бедной голодной собаченькой?

Ох, лысина Сократова, на что я надеялся, в самом деле...

— Забирай её целиком. Вкусная?

Счастливый доберман сглотнул конфету не жуя и довольно закивал.

— А эта Фруктовая, она знает, что ты говорящий?

Мой пёс отрицательно замотал мордой. Уже неплохо, мне почему-то совсем не улыбалось, чтобы он болтал со всеми подряд, тем более с симпатичными девчонками. Хватает и того, что он с Мартой разговаривает, хотя она, конечно, не совсем человек.

Она ангел. И, видимо, не в переносном смысле, потому что у неё крылья. Большие, белые.

Наша с ней последняя встреча получилась несколько скомканной, так как ни я, ни она не знали, что говорить, а поскольку, кажется, с обеих сторон начали просыпаться некие чувства, то, как уверяют старики-философы, нет ничего более слепого, чем глаза, и ничего более всевидящего, чем сердце!

Философия вообще призвана утешать человека. Мне помогает.

— Беса кусь? — осторожно спросил доберман.

Я резко пришёл в себя: на ручке самовара сидел, свесив ножки, задумчивый оранжевый бесёнок. Значит, нас вызывают в Систему.

— Собирайся, — шепнул я псу. — Мне им только чай отнести, и валим отсюда.

Отдельного разрешения батюшки на бесогонство нам уже не требовалось, как правило, нас возвращали домой едва ли не минута в минуту с момента выхода на службу. Вот готовиться к выходу стоило всегда, потому что никогда не знаешь, какое задание тебе подсунут на этот раз. Марта обычно старалась давать нам что-то полегче, но там же был ещё и чернокрылый Дезмо, и этот противный тощий тип с прилизанным пробором невзлюбил нас с первого взгляда.

Поэтому следовало быстренько заменить патрон в старом нагане, обработать перекистью царапины на костяшках кулаков, проверить карту джокера, сунуть в карман короткого тулупа фляжку святой воды, не забыть старенький молитвенник, и вроде всё. Гесс и так всегда готов, ему только ватник застегнуть, а ушанку он и сам преотличнейше надевает. Когда отец Пафнутий не видит, разумеется.

Я поставил на стол тяжёлый ведёрный самовар ещё царского производства, с шестью клеймёными медалями, вежливо отказался «составить компанию за чаем» и, подмигнув доберману, направился в сени. Прикрыл дверь, нащупал джокера в нагрудном кармане свитера, погладил верного друга по загривку и шепнул:

— Развлекаемся?

— По полной, — счастливо подтвердил мой пёс. — Гулять, прыгать, играть, их кусь, тебя лизь! Всегда бери с собой собаченьку!

Щелчок ногтем по карте, секундное ощущение холода и головокружения... и вот мы оба стоим в белом коридоре. Лампы дневного света, белые стены без малейших украшений, белая дверь без таблички, две скамейки, один бесогон, ожидающий своей очереди.

— Здоровеньки булы, хлопцы, — важно кивнул нам голубоглазый мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати, бритый наголо, с ног до головы в байкерской чёрной коже с вышивкой, заклёпками и цепями. — Ось шукаю новины. Вже без бисов як без пряников!

— День добрый, — поздоровался я, доберман просто кивнул. — Парень, а ты не молод для такой работы? Без обид.

— Та яки обиды меж своими? — широко ухмыльнулся он. — Я ось вже шесть рокив у той Системе працюю. А вы шо?

— Меньше месяца.

— От оно и то ж. Який же гарнесенький пес! Мабудь, грошей стоил дюже богато?

— Честно говоря, мы его почти на улице подобрали. Хозяин, депутат из центра, бросил его беременную мать в нашем районе. Этот попал ко мне.

— От це ж ах, — искренне вздохнул мальчик и протянул мне ладонь: — Грицко! Просто Грицко з Харькива.

— Фёдор, то есть для своих Тео. А это Гесс.

Доберман улыбнулся во всю пасть и сам сунул морду под мышку новому знакомцу. Типа погладь мой зад, погладь меня! Пока юный Грицко из Харькова счастливо начал наглаживать спину этого прохиндея, я невольно задумался о том, насколько же широко братство Ордена бесогонов.

Все проблемы грязной современной политики и любой грызни народов, казалось бы, не касались нас, людей, изгоняющих бесов. Волей судьбы мы всегда заняты чем-то более высоким, чем сиюминутная прибыль, и работаем отнюдь не на свой карман. Что было бы с этим несчастным миром, если б и мы поддались всеобщей шизофрении международного разлада? Это же страшно...

Представьте себе украинца, отказывающегося изгонять беса из несчастной девочки только потому, что она русская? Как если бы православный казак отказал в помощи семье мусульман-кавказцев, когда их дом захватили шайтаны? А улыбчивый татарин-бесогон не защитил бы собрата-белоруса на общем задании по обезвреживанию старого кладбища где-нибудь в Еврейском автономном округе? Представили?!

Боже, храни Систему и тех, кто каждый день выходит против нечисти здесь, сейчас и в прошлом, не задумываясь ни о чём, кроме реальной борьбы с бесами.

— Следующий!

— До побачення, Тео и Гесс. — Мальчик бодро вскочил на ноги, хлопнул себя по коленям, кивнул бритой головой и скрылся за дверью.

— Он хороший.

— Наверное. Только такие долго не живут.

— Да брось, — недоверчиво сдвинул жёлтые брови мой доберман. — Я же слышал, что он тут дольше, чем мы, и ничего. Бесов гонять весело!

— Наполеон в своё время тоже говорил, что лучший солдат — это мальчик четырнадцати-пятнадцати лет. Он не боится смерти и свято верит в своего полководца. Но нет ниче-

го хорошего в том, что дети выполняют работу взрослых. И нелучшую работу.

— Ты скучный.

— А ты глупый.

— А я тебя кусь за это!

— Следующий, — прервал нас громкоговоритель.

Гесс так и замер с распахнутой пастью, полной жутких зубов. Я слегка прищёлкнул его по нижней челюсти, несерьёзные личные разборки закончены, пора заняться настоящим делом. Пёс мгновенно подобрался, подняв уши и напружинив лапы.

Надо признать, что некая нотка служебной дисциплины была привита ему ещё на генном уровне, доберманы жутко любят новые задания, тренировки и приказы. Особенно когда уверены, что отлично со всем справятся, а уж уверенности у них хоть отбавляй.

Мы практически одновременно толкнули дверь. За компьютерным столом сидела круглолицая, зеленоглазая, рыжекудрая девушка в свободном синем платье, словно сошедшая с полотен раннего Ренуара. Она поправила очки в серебряной оправе.

— Фёдор Фролов и его пёс Гесс. Проходите.

— Привет, Марта! — Доберман радостно кинулся ей навстречу, но замер под ледяным взглядом.

Честное слово, даже я за три шага почувствовал пронизывающий холод. Начинается-а...

— Вы практически провалили прошлое задание, — немилосердно продолжала девушка, которую я люблю, и в голосе её не было ни тени ответного чувства. — Вы подвергли опасности жизнь сотрудника Системы.

— Когда?

— А тогда, когда, не сумев ограничиться логичным изгнанием беса, вы вдруг вошли в полноценный конфликт с настоящим чёртом.

— Но мы победили.

— Кстати, используя не принадлежащее вам ангельское оружие, — мрачно добила Марта. — Вам необходимо вернуть перо.

— С собой нет. — Я честно распахнул тулуп.

— Вернуть немедленно!

— Сожалею, оно валяется где-то дома в Пияле. Если отец Пафнутий просто не выбросил его в печку.

— Очень на это надеюсь, — неожиданно легко согласилась она. — Итак, в остальном к вашей парочке нет претензий. Ваше новое задание...

— Марта, что происходит? — Я шагнул вперёд, встав перед ней бровь в бровь.

— О чём вы, агент Фролов?

— О нас с тобой.

— Скажу один раз: нет никаких «нас с тобой». Никак. Вообще. Без вопросов. Просто как данность. Повторять не буду. — Её голос был твёрже стали, а в глазах стояли слёзы. — Итак, ваше задание на сегодня. Есть тема по изгнанию бесов из бармена Славика в хэ. Если кто не в курсе, это сеть пивных пабов «Хэрэатс паб». Место действия — Россия, наши дни, город Саратов. Цель — два мелких беса, один справляет нужду прямо в бельгийское пиво, другой...

— Я тебя люблю.

— Что? — дрогнула Марта.

— Что? — не поверил своим ушам Гесс. — Ты же меня любишь, забыл?!

Я протянул руку и сам нажал клавишу *Enter* на её клавиатуре. Сердце сжалось от обиды и боли, но мгновением позже мы стояли в... В чужом городе, в сугробе по пояс. Декарт мне в печень!

— Лысина Сократова-а, — подтвердил мой пёс, закопанный в снег едва ли не по уши.

Наверное, впервые я от всей души порадовался, что мы так тепло одеты. Мороз стоял круче, чем у нас на Севере. Вернее, сам мороз вряд ли был выше десяти — пятнадцати градусов, но сильный, леденящий вдох ветер, казалось, в единую секунду выдувал любое тепло из-под одежды. Дыхание вылетало не паром, а сразу причудливыми ледяными скульптурами, перпендикулярно падая в тот же сугроб. Честно, честно!

Переглянувшись, мы с Гессом пошли врукопашную, активно выкапывая друг друга. Если в две руки и четыре лапы,

то вполне себе получается, надо лишь постараться. А мы очень-очень старались! Жить-то ведь хочется, правда?

В сияющий предновогодними огнями паб мы ввалились, как Дед Мороз и Снегурочка, то есть оба белые от инея, по уши в сосульках, с синими носами и страстно желающие алкоголя. Ну, кроме Гесса, разумеется, он у нас не пьёт. В смысле ничего, кроме воды и тёплого бульона.

Хэ встретил нас полупустым помещением, домашним теплом, ароматами крафтового пива, солёных орешков, мяса на гриле, картошки фри и гостеприимным плакатиком «Официантов тут нет!». Но нам оно уже абсолютно пофиг...

— Самое крепкое пиво мне и миску подогретой воды моему псу!

— С собаками нельзя, — обрезал мрачный бармен.

Я поманил его пальцем поближе и выразительно прошептал на ухо:

— Это доберман. Собака дьявола, если что...

Вроде бы в моём голосе не было угрозы, да и вежливый Гесс старался улыбаться как можно дружелюбнее, но скалозубая улыбка добермана всегда обманчива, так что у бородастого (или, скорее, давно не бритого) мужика хватило мозгов не рисковать.

— Ладно. Садитесь вон там, поближе к дверям, чтобы не мешать посетителям.

Каким? На момент нашего визита в заведении находилось всего двое гостей. Один мужчина с пустой кружкой практически спал носом в скорлупках фисташек, а другой, коротко стриженный здоровяк со ставропольским акцентом, без стеснения орал матом по телефону, объясняя кому-то на том конце провода, как он ехал «БлаБлаКаром» и попал в аварию, так что даже немного ушиб голову.

Жаль, что не совсем разбил, как писал Киплинг, «в трещину в голове могло бы войти хоть немного ума»... Воспитания, такта, приличий и так далее по незнакомому ему списку.

Тем не менее мы честно уселись в дальнем углу. Спустя пару минут я забрал с барной стойки пол-литра пива «Квак» и глубокую пластиковую тарелку с горячей водой. По просьбе обледенелого пса я высыпал туда два пакетика сахара,

размешал и поставил на пол, а сам поднял к губам причудливое деревянное сооружение, зыбко удерживающее стеклянную колбу с пивом.

После первых же двух-трёх глотков мы с Гессом обрели способность к мышлению. Наш мозг был разморожен, в грудь вернулось дыхание, в животе приятно потеплело, пальцы ног, рук и лап стало приятно покалывать. Не будь мы на задании, тут так приятно было бы просто расслабиться и отдохнуть от всего. Но, увы, вы же знаете, нам нельзя, мы тут не просто так, а по делу...

— Где бесы, кого кусь?

— Грейся пока, я скажу.

Не знаю, на первый взгляд никого видно не было. Обычные бесы, как правило, абсолютно наглый народец, стопудово уверенный в своей безнаказанности, а так как их никто не видит, то им и прятаться смысла нет. Но мы бесогоны, от нас не скроешься, ха...

— Ха! — Кажется, я повторил это вслух.

Доберман мигом поднял острые треугольные уши. Мы почти одновременно уставились на барную стойку, к которой подошёл парень-матерщинник, попавший в аварию. Он заказал ещё пива, и я вдруг чётко увидел ухмыляющегося синего рогатого бесёнка, пускающего свою струю в его пенную кружку. Есть, объект зафиксирован, надо брать.

— Он мой, — предупредил я, осторожно нащупывая в кармане тулупа посеребрённую фляжку.

Мелкие бесы такого уровня молитвой не изгоняются, на мат не всегда реагируют, но и тратить на них серебряную пулю тоже не стоит. Думаю, управимся одной святой водой.

— Что-нибудь к пиву? — не поднимая взгляда, бросил нам бармен.

— Хорошо прожаренного беса.

— В смысле?

Если бы у меня было время придумать что-нибудь смешное и в рифму, я бы так и сделал. Но, увы, если беса не остановить сразу же, эта нечисть блохастая резко прячется и залегает на дно, пяточка не высовывая, пока опасность не минует.

Причём в реальность существования бесогонов они верят не больше, чем обычные люди в существование самих бесов. И кстати, это единственное, что нас спасает. Пока они все там нечистой толпой удивляются, мы их бьём. Всерьёз и по-взрослому!

Я мгновенно выхватил фляжку из-за пазухи, свинтил пробку и наотмашь хлестнул струёй святой воды по любопытному синему нахалу с рожками. Попасть-то попал, но не только в него...

— Ты чё, козёл, ваще берега попутал?! — Охреневший здоровяк даже забыл мат, рукавом свитера вытирая брызги с лица.

— Извини, брат.

— Засунь себе свои извинения знаешь куда? В ж...

В этот момент умирающий синий бес, облитый святой водой, начал раздуваться и лопнул, ударной волной перевернув бокал тёмного «Гримбергена» на голубые джинсы парня. Очень эффектно и в нужном месте. Ну, вы поняли...

— Ё-ма-а, ах ты ж сук-к...

Спящий мужик на мгновение поднял лицо в скорлупках прилипших фисташек и сочувственно хмыкнул:

— До туалета не добежал? Бывает, бывает...

— Хи-хи!

Вот просто голову готов на плаху положить, что это хихикнул мой пёс, прикрывающий лапой глаза, но кто бы в это поверил? Правильно, никто. Все трое мужчин, считая бармена, уставились на меня. Кабздец котёнку...

Надеюсь, я это не вслух сказал?

— Парни, примите мои глубочайшие извине...

Вместо ответа в голову мне полетел пустой бокал из-под пива. Я уклонился, бокал с такой силой врезался в стену, что осколки стекла долетели до барной стойки. Ну вот оно так и началось...

Весёлая кабацкая драка, шум, крики, перелёты мебели, звон разбитой посуды, мат-перемат, участвуют все, даже Гесс, он у нас вообще любитель таких мероприятий.

Бармен орал, что вызовет полицию, периодически хватаясь за новенький айфон, пока не уронил его в широкую кружку с нефильтрованным «Бланш де Брюссель». Такой

долгой и витиеватой ругани на английском я давненько не слышал.

Здоровенный ставрополец пытался бить меня, махая тяжёлыми кулаками с ловкостью человека, привыкшего молотить боксёрскую грушу. Разница лишь в том, что груши, как правило, не убегают и не дают сдачи. Впрочем, и я не давал, мне было достаточно просто уходить с линии его ударов, предоставляя парню возможность разбивать кулаки о стойку бара.

Любитель фисташек пытался помочь то ему, то мне, то бармену, а в результате просто путался у всех под ногами, собирая шишки ото всех на свою сострадательную голову. Такие добрые люди встречаются повсюду, благие намерения вечно заводят их в самое пекло.

Счастливым доберман, заливаясь лаем, носился по стенам, словно мотоцикл в цирке, сшибая всё и всех мосластым задом. Холодное пиво лилось рекой, и отнюдь не в фигуральном смысле, мы все буквально по щиколотку утопали в пенящихся лужах.

Случайная молодая пара, рискнувшая сунуть нос в хэ, во время метнулась назад на улицу, у нас теплее, но там всё-таки безопасней. Я бы давно двинул обратно в Систему или сразу домой, но, во-первых, нужно было как-то ухитриться поймать Гесса — не оставлять же здесь развеселившегося нахала! Ему тут слишком хорошо, так что мне уже чуточку завидно, а во-вторых, бармен Славик вдруг начал резко зеленеть. Такой неприятный болотный цвет...

— Тысяча извинений, но другого выхода у меня просто нет, — честно предупредил я, в три коротких удара укладывая буйного парня на пол.

Второй мельтешащий мужик рухнул в обморок сам, когда до него вдруг дошло, ЧТО именно он видит за барной стойкой. Резвый доберман включил голову, вспомнил о совести и долге, мгновенно очутился рядом со мной, едва ли не поскользнувшись в мутной луже пива, и оскалил клыки:

— Бес? Бесов надо кусь!

Ещё какой бес, мысленно признал я. Ростом выше нашего Анчутки, толстый, как японский борец сумо, с прыщавой кожей цвета жухлой зелени, большущим зубастым ртом от

уха до уха, хищно подёргивающимся пяточком и чёрными бусинками глаз.

Зависть и жадность. Лютые, бескомпромиссные, помрачающие разум и разъедающие сердце создания. Как жаль, что я не дослушал Марту насчёт второго беса. Не такой уж он и мелкий оказался.

Но тут уже всё от человека зависит: до какой степени раскормишь эту нечистую тварь своими страстями, такого уroda и получишь на выходе. Этот толстяк, видимо, рос не один год, питаюсь худшими чертами характера податливого парня за стойкой.

Моя рука невольно потянулась за револьвером.

— Нет. — Вовремя опомнился: пристрелив беса, можно было запросто убить и человека.

Бармен, конечно, сам во всём виноват, но не я ему последний судья. Когда ты стреляешь в противника на войне, это одно дело, вопрос личной жизни и смерти, а вот так походя пустить серебряную пулю в лоб тому, кто ещё недавно наливал тебе пиво, — как-то не комильфо. Но и святой водой с молитвами такого уже вряд ли изгонишь, разве что...

— Гесс, кусь его за все мягкие места!

Доберман сдвинул брови и чёрной тенью бросился в атаку.

О-о как он это сделал! Словно британская конница в Крымскую войну идёт в самую безоглядную, безбашенную, безнадежную, бессмертную атаку на оскалившиеся штыками отважные русские окопы. Сила на силу! Доберман на беса! Зубы против рогов! Скорость против мышц! Один дебил против другого идиота! Короче, это было эпическое сражение...

Я лишь на минуточку отошёл в сторону и скромненько ждал, пока он его умогает. В конце концов, никто не может соперничать с моим псом по части выносливости, прыгучести и ловкости. Он искусал неповоротливого беса зависти и жадности как резиновую Зину, которую Агния Барто за чем-то купила в магазине, уронила в грязь и потом отмывала бензином!

Хотя водой, разумеется, проще. Но «Зина» и «бензин» рифмуются на ассонансах.

Через самое короткое время бес взвыл дурным голосом, сдавшись психологически и попытавшись повеситься на своём же хвосте. Вот тут-то я и перехватил его, завалив на барную стойку, заламывая руки за волосатую спину. Бес зависти матерился и жадно глотал пересошим ртом воздух. На что я и рассчитывал...

— Гесс, держи его за горло!

Мой героический пёс, не задавая лишних вопросов, впился в толстую шею нечистого, ворча словно бетономешалка. Я же твёрдой рукой взялся за ручку крана «Гримбергена»:

— Пей, сволочь! Пей, пока не напьёшься. Мне не жалко!

Струя тёмного янтаря ударила в разверстную глотку. Бес жадности волей-неволей страстно начал глотать пиво, и я знал, что он не остановится. Его живот раздувался, словно купол десантного парашюта, но прерваться хотя бы на пару выдохов он не мог. Это было выше его сил. Неуёмная жадность душила его, а лютая зависть заставляла завидовать самому же себе!

Три слова подряд на букву «зэ», тот же Довлатов, наверное, просто убил бы меня мусорной урной по голове. Но я-то не пишу отвлечённую книгу, а лишь рассказываю, как всё было.

— Дружище, отпускаяй!

— А ты?

— Я придержу. Выноси людей, сейчас рванёт!

Гесс цапнул зубами воротник любителя фисташек, легко волооча мужика к выходу по волнам пива. Я же взвалил себе на плечи начинающего приходить в себя здоровенного ставропольца, и, как только мы вывалились из дверей, внутри хэ грохнул взрыв!

Садануло так, что трёхэтажное здание аж вздрогнуло от крыши до фундамента. Толстенное витринное окно было выбито телом несчастного Славика, вылетевшего в снег с волной стеклянных брызг! Закоротило электричество, бедный бармен дрыгал ногами в сугробе, но, кажется, всё-таки был жив, а вот его пузатому бесу повезло куда меньше...

Всё-таки пиво газированный напиток и уж если шарашит, так по полной!

— С другой стороны, если бы мы его убили серебряной пулей, то мог погибнуть человек, — зачем-то начал объяснять я резко протрезвевшему парню из «БлаБлаКара». — А раз он сам взорвался, то и бармен не пострадал. Ну-у, практически...

Последнее, кстати, спорно, поскольку Славик вдруг перестал дрыгать ногами, то ли замёрз, то ли устал, то ли вообще откинулся. Мне помогли, мы в четыре руки вытащили его наружу, убедились, что жив, просто снегу переел и...

В следующее мгновение мы с Гессом стояли в белом коридоре. Мокрые, выдохшиеся, в хрусталиках льда и витринного стекла, но целые и, кажется, всё-таки выполнившие задание.

— Следующий.

Мы огляделись по сторонам, кроме нас, никого. Идём.

И стоило нам войти в офис, как мы встретили ледяной взгляд Дезмо. Чёрный ангел с брезгливым лицом уставился на нас не мигая, словно очковая змея.

— Вы. Идиоты. Молчать!

Мы и рта раскрыть не успели, чего ж так орать-то?

— Вы связались с чертями! Дважды! Бесогоны никогда не прыгают выше головы, для этого есть другие силы и иные инстанции, что непонятного?

Мы пожали плечами. Ничего такого, просто нас же не предупредили.

— Вы поставили под угрозу жизнь Марты. Вы толкнули её в схватку с чертями, то есть с куда более могучей угрозой человечеству, борьба с которой вам не по чину и не по зубам!

Ну, тут нам и вовсе ответить было нечего. Мы же побили чёрта благодаря ангельскому перу того же Дезмо, и не зная этого он не мог.

— Но вам этого мало, вы ещё сегодня изувечили группу чертей, которые всего лишь хотели...

— Повесить отца Пафнутия! — дружно возмутились мы.

— Но можно же было их не убивать.

— Так мы и не убили!

Вот тут, наверное, стоило взять паузу. Ни я, ни Гесс не знаем, что там учинил безрогий брюнет Анчутка со своими обидчиками. Э-э, даже если и убил, так это он, а не мы! Мы-то их по-любому не убивали. Правда же?

Но, с другой стороны, если смотреть непредвзятым взглядом, то получается что вся эта драчка лишь рядовые разборки нечисти между собой, так сказать, извечный конфликт между крупными бесами и зазнавшимися чертями. В конце концов, пусть сами разбираются, нам-то какое дело...

— Тем не менее, — скучный ангел за компьютерным столом сверился с экраном, скрипнул зубами и едва слышно выдал: — Вы справились с заданием. Два беса обезврежены, ваш гонорар будет зачислен на банковские карты.

— И?

— Почему вас нельзя отстранить? Ну хотя бы просто похоронить в крайнем случае...

Вопрос чёрного ангела остался без ответа, поскольку Система в ту же секунду заботливо перенесла нас обоих в сени дома православного батюшки. Если верить моим внутренним ощущениям, мы отсутствовали меньше минуты.

Доберман беззаботно стянул с головы ушанку и начал расстёгивать свою фуфайку. Моей помощи тут не требовалось, Гесс на редкость умная и хитрозадая домашняя скотинка, его надо знать. Я же спокойно повесил на гвоздик свой выдавший виды тулупчик, пригладил грязные волосы, слипшиеся от пота и мороза, а потом шагнул в горницу.

— От и Федька с Геськой возвратились! Видать, от, паря, передумал ты по деревне-то шастать, решил от с нами-то чайку попить. Так садись уже, рассказывай!

— Нечего рассказывать.

— А чего ж от тебя так от пивом-то разит?

— Новый дезодорант, экспериментальный запах.

— А-а, тогда всё одно садись от, внученьку-то мою от слушать будем. Поди, она все новости Санкт-Петербургские нам поведает, а то мало ли про что от газеты молчат да телевидение-то скрывает. Верно от, Дашка?

Седая мадемуазель Фруктовая невероятным образом умудрилась кивнуть, не отрывая губ от блюдечка с облепиховым чаем. Хитрый пёс устроился у моего колена с умильным взглядом из серии «ты чёрствый, бессердечный человек, креста на тебе нет, совести тоже, поэтому живо отдай голод-

ной бедной собачке все вкусняшки! Иначе гореть тебе в аду...».

Я гореть не хотел, поэтому две сушки с маком быстренько перекочевали в жаркую пасть моего короткохвостого друга. После чего он со столь же умоляющей физиономией уселся поближе к гостю. Но, видимо, у неё были более крепкие нервы в отношении этого шантажиста: «конфетами тебя недавно угостили, а ещё больше вкусняшек — что не надо сплится».

Пёс тяжело вздохнул и, опустив голову, улёгся у себя на коврик, печальный, как Бэмби, познавший всю боль и жестокость несовершенного мира. Это изображать он умеет.

— Ну а что в Питере, та же хурма, всё как всегда. На Васье так же едят корюшку, на Апрашке торгуют шмотками, Петька на коне, Валька-стакан за поребриком, Цой жив, Крым наш, Чижик-пыжик на Фонтанке, на Крупе книжки, Боярский в старой шляпе, «Сплин» всё поет, Шнур пишет стих на каждый чих, короче, ничего нового. Ах да, везде бельгийские brassерии понаставили, и пиво там действительно как дезодорант у Феди... бе-э!

Вот примерно в таком дивном эмоциональном ключе и шла вся наша застольная беседа. Не самая информационно насыщенная, согласитесь? Батюшку тем не менее всё устраивало, он вообще полон противоречий, и если от меня вечно чего-то требовал, то на внучку свою наглядеться не мог!

Она же с умным видом несла какую-то псевдомолодёжную полусленговую чушь, прихлёбывая чай, а отец Пафнутий улыбался её шуткам, оттопыривал уши, чтобы лучше слышать, не сводил с неё добрых глаз и всё время подсовывал поближе мёд, варенье, шоколад, сушки и пряники. Я и предположить не мог, что у этого могучего старикана с пудовыми кулаками такое нежное сердце.

Безрогий Анчутка вернулся часа через два. Хромающий, усталый, но довольный. Должен признать, что заживало на нём всё как на собаке и даже лучше. Когда мы его из-под лавки вытащили всего в крови, я думал, этот бес вообще не жилец на белом свете. А он уже вполне себе ходит, говорит и даже дерётся, вот что значит нечистая сила!

К общему застолью не присоединился, отпросился в баню, которую, кстати, сам и вытопил и воды натаскал, категорически отказавшись от моей помощи.

— Без обид, амиго! Но я из-за тебя уже влетел на шпицрутены, так вот мне тестикулы под гильотину класть не айс, мон шер!

Тут тоже не поспоришь, если б я того чёрта в Нижнем не завалил, так и никто из пекла не припёрся бы к нам мстить. Мелкие бесы тоже, правда, приходили, но безрогий брюнет сам их перетёр в труху осиновою, поскольку на своей территории он в своём законном праве. Черти же быстренько доказали ему превосходство сильного над правым.

Когда вечером я выгуливал Гесса, сидя на крылечке в тихих сумеречных размышлениях, ко мне неожиданно присоединилась Дарья.

— Куришь?

— Нет.

— В смысле бросил?

— Просто никогда не курил.

— А я уже шестой раз бросаю, — хмыкнула она, присаживаясь рядом и наблюдая, как этот олень носится кругами за какой-то особенно неуловимой снежинкой. — Ты давно у деда? Он у нас с тараканами, но неплохой, мама его любит. В отличие от остальной родни.

Я ничего не ответил. В конце концов их семейные проблемы не моё собачье дело.

— Они с бабушкой развелись, когда он окончательно в церковь ушёл. Не захотела быть матушкой в этой дыре, ушла, и всё. Всегда была против, что я в МЧС подавала. Маму тоже настроила...

— Прошу прощения, но мне это зачем знать?

— Затем, что дед опять бесов видит, — вздохнула седая внучка, сунула руку в карман зимней куртки, вытащив пластиковый пузырёк. — Он таблеткам не верит, но ты давай ему во время приступов. Имеет накопительный эффект, так что если отпускает, то надолго.

Ох ты ж лысина Сократова!

Я тоже не сразу поверил в бесов, но когда увидел своими глазами, то вряд ли бы согласился пить психотропные, отуп-

ляя свой мозг лишь ради того, чтобы убедить самого себя в том, что, чего не видишь, того и не существует. Получается, что эта умничка видит Анчутку, видела фашистов, дралась с ними, но ни за что не признает их истинную сущность. Нечисти нет, зато лекарства от неё есть. Удобно, а что?

— Извини, я не могу подсовывать таблетки отцу Пафнутию. Это не есть хорошо, он вменяемый человек, в здравом уме и трезвой памяти.

— В здравом уме, какого Блюхера? Да он же бесов видит!

— И я вижу.

— Значит, тебе тоже к доктору надо. Короче, пять штук заработать хочешь?

— Нет.

— Десятку?

— Не продаюсь. — Я встал.

Она тоже.

Стальные серые глаза пытались прожечь меня насквозь, но, как водится, безрезультатно.

— А я деду скажу, что ты ко мне приставал!

— У меня свидетель есть. Гесс?

Чёрный доберман мгновенно откликнулся на мой голос.

— Скажи, я к ней приставал?

— Нет, — не задумываясь, честно гавкнул пёс. — Она сама вредная. Вкусняшки зажала! Нет тебе лапки, жадина.

— Вы... вы чё? Как? Ты разговариваешь, что ли?!

Я покачал головой, отпустил Гесса и подтолкнул к ней пузырьрёк:

— Держи, тебе нужнее. Если уж ты слышишь, как собаки разговаривают, то это симптом, у-у...

Даша Фруктовая тихим белым сусликом замерла на крыльце, не в силах осознать своим дисциплинированным умишком, что у нас тут вообще происходит. Кажется, теперь мне становилось понятней, почему святой старец так подчёркнуто ласков и заботлив с внучкой.

— Один вопрос, — прежде чем взяться за дверную ручку, спросил я. — Почему у тебя седые волосы?

Девушка вздрогнула, закусив губу. Потом толкнула меня плечом и первой прошла в сени. Не хочет отвечать, не надо. Я свистнул нагулявшего добермана, тот на всякий случай

дополнительно пометил столбик у нашей калитки и в три длинных прыжка влетел на крыльцо.

— На тебе лапку!

— Давай. — Мы церемонно пожали руки-лапы. — Пошли домой, морозно сегодня.

...Ну, наверное, на этом можно было бы и закончить приключения этого насыщенного дня, всё равно ничего интересного больше не произошло. Разве что явившийся из бани безрогий бес опять заставил девичье сердечко Дарьи стучать немножечко громче, чем следует.

Хотя и Анчутка (надо отдать ему должное, прекрасно зная, какое впечатление он производит на женский пол) вёл себя крайне вежливо и корректно, граней не переходил, вольностей не позволял, надежд не подавал и так далее. Вес кулака отца Пафнутия был ему известен.

В честь прибытия дорогой внучки меня согнали на пол к Гессу, а моя постель перешла в собственность девушки. Естественно, после замены простыни, пододеяльника и наволочки.

У нас была маленькая стиральная машинка (честно говоря, громкое название для тазика с моторчиком!), но отец Пафнутий как бывший военный питал особое пристрастие к гигиене, чего и от меня вечно требовал. Поэтому набор чистой одежды и две смены белья всегда лежали в шкафу.

Укладывались спать мы традиционно рано, как и вставали. Отбой в десять вечера, подъём в шесть утра, изменение режима только в соответствии с расписанием церковных служб, в частности, всякие всенощные бдения. Тогда, бывало, мы и вовсе глаз не смыкали всю ночь, но тут уж ничего не поделаешь. Священники вообще работают без выходных.

Дарья Фруктовая как курсант, привычный к уставу, тоже отрубилась в десять, накрывшись одеялом почти с головой. Пока батюшка молился под иконами, ко мне на цыпочках подошёл Анчутка. Приложил палец к губам, сунул руку в карман спортивных треников и вытащил тот самый пластиковый пузырёк. Понятно, девочка у нас упёртая и с сюрпризом.

Я так же молча забрал у него таблетки. Мы не нуждались в словах, прекрасно понимая, что наша тихая устоявшаяся

жизнь уже не будет прежней. И да, в качестве спойлера, забегаю вперёд, скажу, что каникулы Даши в гостях у любимого дедушки я лично запомнил навсегда! А у моего добермана появился первый седой волос на хвосте. Или на том, что он называл хвостом...

Но давайте по порядку. Я проснулся оттого, что меня не разбудили.

Понимаю, что звучит парадоксально, но это так. Каждое утро, ещё до рассвета, меня поднимает мой пёс, требуя вывести его на прогулку. То есть имеет место быть либо нервное посвистывание, либо холодный кожаный нос ко мне под одеяло, либо в самом крайнем случае просто стягивание с меня одеяла и обиженное рычание, пока я не проснусь.

Так вот сегодня этого не было. Я вскочил как подброшенный пружиной, потому что Гесса нет. Моя прежняя постель аккуратно заправлена на армейский манер. Сунув нос в сени, я увидел, что телогрейки и ушанки добермана также нет. Получается, Даша сама вывела его пробежаться в туалет?

Быстро натянув чёрный свитер и запрыгнув в джинсы, я накинул тулуп на плечи и, не застёгиваясь, вышел на крыльцо. Картина, представившаяся моему взгляду, наверное, могла бы кому-то показаться комичной, но у меня не вызвала даже улыбки.

Взъерошенная курсант Фруктовая, по колено проваливаясь в снег, гоняла по нашему двору моего добермана и орала на всю улицу:

— Значит, ты разговариваешь? Скажи точно, что разговариваешь! Скажи мне в лицо, что это не глюки и я не сошла с ума!

— Уйди, психическая, — рычал бедный Гесс, уворачиваясь в самых невероятных прыжках. — Я тебя кусь! Честное слово, кусь!

— Ага-а! Ты говоришь!

— Отвяжись от бедной собаченьки!

— Я знала, я чувствовала, я из-за тебя полночи не спала, думала, что...

— Спаси меня! — Ретивый доберман полез ко мне на ручки. — Я её боюсь, она пристаёт ко мне. Ты хороший, я тебя лизь! Убери эту дуру-у!